

КАПИТАЛИЗМ И ИСТОРИКИ

Предисловие

Первые три работы этого издания первоначально были представлены на встрече международной группы экономистов, историков и социологов, которые в течение нескольких лет регулярно собираются для обсуждения проблем защиты свободного общества от тоталитарной угрозы. Одной из тем дискуссии на встрече Общества Мон-Пелерен, проводившейся в Бовалоне (Франция) в сентябре 1951 г., было трактовка капитализма историками. Из четырех работ, послуживших основой дискуссии, текста одной из них, принадлежащей цюрихскому профессору Зильбершмидту, в нашем распоряжении, к сожалению, нет, а также нет стенограммы состоявшегося оживленного обсуждения. Участники дискуссии полагали, что три рукописи следует опубликовать, и предложили для пользы дела объединить их с переизданием некоторых более ранних трудов членов Общества по сходным проблемам. Отвечая за исполнение этого плана, я попытался во «Введении», подчеркивая то, о чем я узнал из обсуждения, объяснить более широкое значение проблемы, излагаемой на последующих страницах.

Вторая работа профессора Эштона, содержащаяся в настоящем издании, первоначально появилась в «Journal of Economic History» (Supplement IX, 1949), а работа профессора Хатта в журнале «Economica» за март 1926 г. Я должен поблагодарить редакторов

и издателей обоих журналов за разрешение переиздать эти статьи.

Ф. Хайек

Введение

Ф. ХАЙЕК

История и политика

Политические взгляды и точки зрения на исторические события всегда были и должны быть тесно связаны. Прошлый опыт служит основанием, на котором по преимуществу базируются наши убеждения о желательности различных мер экономической политики и институтов, и наши текущие политические взгляды неминуемо затрагивают и окрашивают нашу интерпретацию прошлого. Однако если мысль о том, что человек не извлекает уроков из истории, слишком пессимистична, можно усомниться, всегда ли извлекаемые ими уроки правильны. Хотя источником опыта людей служат события прошлого, их мнения определяются не объективными фактами, а записями и интерпретациями, к которым они имеют доступ. Мало кто станет отрицать, что наши взгляды на благотворность или порочность различных институтов в значительной степени определяются тем, какое, по нашему мнению, воздействие они оказывали в прошлом. Едва ли существуют политический идеал или концепция, которые не затрагивали бы мнения о всей совокупности прошлых событий, и редко когда память о прошлом не служит символом некоей политической цели. Однако мнения о событиях истории, которые руководят нами в настоящем, не всегда согласуются с фактами; порой они скорее следствие, чем причина политических

убеждений. В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты. И все же надеяться извлечь пользу из прошлого опыта можно только в том случае, если факты, из которых мы выводим свои заключения, будут верны.

Таким образом, влияние, которое авторы исторических трудов оказывают на общественное мнение, вероятно, более непосредственно и более обширно, чем влияние авторов политических теорий, выступающих с новыми идеями. Похоже, что даже эти новые идеи, как правило, доходят до широкой аудитории не в абстрактной форме, а в виде интерпретации конкретных событий. Соответственно по сравнению с теоретиком историк по меньшей мере на шаг ближе к прямой власти над общественным мнением. Текущие споры о недавних событиях создают определенную картину или, возможно, несколько различных картин этих событий, которые оказывают влияние на современные дискуссии и на любые разногласия по существу новых проблем, задолго до того, как профессиональный историк возьмется за перо.

Глубокое влияние, которое текущие представления об истории оказывают на политические взгляды, сегодня осознается куда меньше, чем в прошлом. Одна из причин такого положения дел состоит, возможно, в том, что многие современные историки претендуют на то, чтобы заниматься чистой наукой, и на полную свободу от политических пристрастий. Споры нет, первейший долг ученого, поскольку речь идет об

историческом исследовании, состоит в установлении фактов. И, конечно же, не существует никакой разумной причины, чтобы историки различных политических воззрений, устанавливая факты, не могли прийти к согласию. Но в самом начале, при принятии решения о том, на какой вопрос нужно искать ответ, на сцену неизбежно выходят индивидуальные ценностные суждения. И более чем сомнительно, возможно ли написать связную историю эпохи или ряда событий без их истолкования в свете не только теорий о взаимной связи социальных процессов, но и о взаимосвязи определенных ценностей — или будет ли такая история достойна чтения. В отличие от исторического исследования историография не только искусство, но и наука; автор, который начнет заниматься ею, не отдавая себе отчета в том, что его задачей является интерпретация [исторических событий] в свете определенных ценностей, преуспеет лишь в самообмане и падет жертвой своих неосознаваемых предрассудков.

Возможно, нет лучшей иллюстрации способа, которым группа историков более столетия формировала политический характер (*ethos*) целой нации (и на протяжении чуть более короткого периода характер большей части западного мира), чем влияние, оказанное «виговской интерпретацией истории» в Англии. Не будет преувеличением сказать, что на каждого, кто был непосредственно знаком с трудами политических философов, основавших либеральную традицию, приходилось 50—100 тех, кто постиг их из работ Генри Хэллама и Томаса Маколея или Джорджа Грота

и лорда Актона. Знаменательно, что современный английский историк, который более других старался дискредитировать виговскую традицию, позднее написал: «...те, кто, вероятно, в аскетическом заблуждении юности, желает вытеснить виговскую интерпретацию... расчищают место, которое с человеческой точки зрения не может долго оставаться пустым. Они открывают двери семи бесам, которые именно ввиду своей новизны неизбежно будут хуже, чем эта первая»¹. И, по-прежнему считая «виговскую историю» «неверной», он тем не менее подчеркивает, что она «была одним из наших достояний» и что «она оказала поразительное воздействие на английскую политику»².

Была ли «виговская история» в каком-либо важном смысле неверной историей — вопрос, последнее слово по которому еще, вероятно, не сказано, но который мы не можем здесь обсуждать. Ее благотворное воздействие на формирование чрезвычайно либеральной атмосферы XIX века не подлежит сомнению, и оно проявилось вовсе не в результате искажения фактов. «Виговская история» — преимущественно политическая история, и главные факты, на которых она основана, были общеизвестны. Возможно, не во всем соответствуя современным стандартам исторического исследования, она определенно привила воспитанным на ней поколениям истинное понимание

¹ *Butterfield, Herbert. The Englishman and His History. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. P. 3.*

² *Ibid. P. 7.*

ценности политической свободы, завоеванной для них их предками, и служила им путеводной нитью в деле сохранения этого достижения.

С упадком либерализма виговская интерпретация истории вышла из моды. Но более чем сомнительно, стала ли история оттого, что теперь она заявляет себя как более научная [дисциплина], более надежным и заслуживающим доверия проводником в тех областях, где она оказывала наибольшее влияние на политические взгляды. В самом деле, политическая история утратила бóльшую часть своей власти и притягательности, которыми она обладала в XIX столетии, и вряд ли какой-нибудь исторический труд нашего времени имеет тираж или прямое влияние, сравнимое со, скажем, «Историей Англии» Маколея*. Однако степень, в которой наши текущие политические представления окрашены мнениями (*beliefs*) о событиях истории, ничуть не уменьшилась. Поскольку интерес сместился от политической к социально-экономической сфере, теперь исторические мнения, которые выступают движущими силами, относятся главным образом к мнениям об экономической истории. Вероятно, позволительно говорить о социалистической интерпретации истории, которая господствует в политической мысли последних двух-трех поколений и которая заключается в основном в специфическом взгляде на экономическую историю. В этом взгляде примечательно то, что относительно большинства утверждений, которым он придал статус «всем известных фактов», давно доказано, что они вообще не являются

фактами; и все же вне круга профессиональных экономических историков они все еще почти повсеместно признаны как основа для оценки существующего экономического порядка.

Если сказать людям, что их политические убеждения находятся под влиянием того или иного взгляда на экономическую историю, большинство из них ответят, что они никогда не интересовались ею и не прочитали ни одной книги по этому предмету. Это, однако, не означает, что они вместе с остальными не рассматривают в качестве установленных фактов множество легенд, которые в разные времена запускали в обращение авторы трудов по экономической истории. Хотя историк и занимает ключевую позицию в косвенном и окольном процессе, посредством которого новые политические идеи доходят до широкой публики, но даже он оказывает воздействие главным образом через цепочку ретрансляторов. Лишь через несколько звеньев нарисованная им картина становится всеобщим достоянием: ведь обычный человек черпает свои представления об истории из романов и газет, кинофильмов и политических речей, а также в школе и из обычных бесед. Но в конечном счете даже те, кто за свою жизнь не прочитал ни одной книги и, вероятно, никогда не слышал имен историков, чьи взгляды повлияли на них, начинают смотреть на прошлое сквозь их очки. Некоторые мнения (например, о развитии и влиянии профсоюзов, о мнимом поступательном росте монополий, о намеренном уничтожении товарных запасов как результате конкуренции — событие, которое в действительности

всякий раз, когда оно случалось, всегда было результатом монополии, причем, как правило, монополии, организованной государством, — об утаивании полезных изобретений, о причинах и следствиях «империализма» и о роли индустрии вооружений или «капиталистов» в целом в развязывании войны) стали частью фольклора нашего времени. Большинство людей очень удивились бы, узнав, что большинство их мнений по всем этим предметам вовсе не бесспорно установленные факты, а мифы, запущенные в оборот из политических соображений и затем распространенные вполне добросовестными людьми, чьим общим убеждениям они соответствуют. Потребовалось бы несколько книг вроде этой, чтобы показать, что большинство из того, чему верят не только радикалы, но и многие консерваторы, является не историей, а политической легендой. По всем этим вопросам мы здесь можем лишь отослать читателя к нескольким работам, из которых он сможет уяснить для себя текущее состояние знания по наиболее важным из них¹.

¹ См.: *George, M. Dorothy*. The Combination Laws Reconsidered // *Economic History* (supplement to the *Economic Journal*). Vol. I (May, 1927). P. 214—228; *Hutt W. H.* The Theory of Collective Bargaining. London: P. S. King & Son, 1930; *Hutt W. H.* The Economists and the Public. London: J. Cape, 1936; *Robbins L. C.* The Economic Basis of Class Conflict. London: Macmillan & Co., 1939; *Robbins L. C.* The Economic Causes of War. London: J. Cape, 1939; *Sulzbach, Walter*. «Capitalistic Warmongers»: A Modern Superstition / Public Policy Pamphlets. No. 35. Chicago: University of Chicago Press, 1942; *Stigler G. J.*

Существует, однако, один самый главный миф, который больше, чем любой другой, послужил дискредитации экономической системы, которой мы обязаны цивилизацией наших дней, исследованию которого посвящена эта книга. Это легенда об ухудшении положения трудящихся вследствие подъема «капитализма» («мануфактурного производства» или «индустриальной системы»). Кто не слышал об «ужасах раннего капитализма», кто не был впечатлен тем, что возникновение этой системы принесло бесчисленные новые муки широким массам трудящихся, которые прежде жили в сносном довольстве и достатке? Мы можем оправданно плохо думать о системе, которую обвиняют в том, что она хоть бы и временно ухудшила положение беднейших и самых многочисленных классов народонаселения. Всеобщее эмоциональное неприятие «капитализма» тесно связано с верой в то, что неоспоримый рост богатства, вызванный конкурентной системой, был куплен ценой снижения уровня жизни самых слабых членов общества.

Именно эту точку зрения одно время широко пропагандировали экономические историки. Более тщательное исследование фактов привело, однако, к полному опровержению этого взгляда на события того

Competition in the United States // Stigler G. J. Five Lectures on Economic Problems. London and New York: Longmans, Green & Co., 1949; Nutter, G. Warren. The Extent of Enterprise Monopoly in the United States, 1899—1939. Chicago: University of Chicago Press, 1951; и по большинству этих проблем труды Людвиг фон Мизеса, особенно «Социализм» (М.: Catalaxy, 1994).

периода. И все же спустя поколение после разрешения этого спора общественное мнение все еще продолжает почитать за истину прежний взгляд. Как он вообще возник и почему продолжает определять общие представления спустя долгое время после того, как был опровергнут, — две эти проблемы заслуживают серьезного рассмотрения.

Подобные взгляды нередко встречаются не только в политической литературе, враждебной капитализму, но даже в сочинениях, которые в целом сочувствуют политической традиции XIX столетия. Хорошим примером может служить следующий отрывок из пользующейся заслуженным уважением «Истории европейского либерализма» Руджиеро: «Таким образом, положение трудящегося изменилось к худшему именно в период наиболее интенсивного промышленного роста. Рабочий день длился сверх всякой меры; работа на фабриках женщин и детей понизила ставки заработной платы; напряженная конкуренция между самими трудящимися, не привязанными больше к своим округам, но свободными переезжать и собираться там, где они были нужны более всего, еще больше удешевляла труд, предлагаемый ими на рынке; многочисленные и частые промышленные кризисы, неизбежные в период экономического роста, когда население и потребление еще не стабилизировались, время от времени расширяли ряды безработных — резервные армии голодающих»¹.

¹ *Ruggiero, Guido de. Storia del liberalismo europeo. Bari, 1925; The History of European Liberalism / trans. R. G. Collingwood.*

Это утверждение было необоснованным даже в момент его появления двадцать пять лет назад. Спустя год после его первой публикации самый выдающийся исследователь экономической истории, сэр Джон Клэпхем, справедливо жаловался: «Легенда о том, что положение трудящегося ухудшалось, вплоть до некоей неясной даты между Народной Хартией и Великой выставкой*, удивительно живуча. Тот факт, что после падения цен в 1820—1821 гг. покупательная сила заработной платы в целом — разумеется, не всякой заработной платы — была определено выше, чем перед Войной за независимость в США и наполеоновскими войнами, настолько противоречит традиции, что упоминается крайне редко, и социальные историки постоянно пренебрегают трудами специалистов по статистике заработной платы и цен»¹.

Если говорить об общественном мнении, ситуация сегодня едва ли лучше, хотя факты вынуждены были признать даже большинство тех, кто в основном несет ответственность за распространение противоположного мнения. Мало кто сделал больше, чем мистер и миссис Хэммонды, для создания веры в то, что начало XIX столетия было временем, когда положение

London: Oxford University Press, 1927. P. 47, esp. P. 85. Любопытно, что Руджиеро, кажется, берет свои факты в основном у другого якобы либерального историка Эли Халеви, хотя Халеви никогда не высказывал их так резко.

¹ *Clapham J. H. An Economic History of Modern Britain. Cambridge, 1926. Vol. I. P. 7.*

рабочего класса стало особенно плохим; их книги часто цитируют, чтобы проиллюстрировать это ухудшение. Но к концу жизни они искренне признали, что «статистики говорят нам, что, упорядочивая такие данные по мере их обнаружения, они убеждаются в том, что заработки выросли и что большинство людей были менее бедны в то время, когда это недовольство было громким и резким, чем они были, когда XVIII столетие начинало клониться к старости в безмолвии, подобном осенней тиши. Свидетельства тому, разумеется, скудны, и их интерпретация не слишком проста, но этот общий взгляд, вероятно, более или менее верен»¹.

Этого оказалось недостаточно для изменения общего воздействия их трудов на общественное мнение. Например, в одном из новейших исследований истории западной политической традиции, все еще можно прочесть, что «однако, подобно всем великим социальным экспериментам, изобретение рынка труда обошлось дорого. Оно сопровождалось, прежде всего, быстрым и резким снижением материального уровня жизни трудящихся классов»².

Дальше я собирался сказать о том, что популярная литература, за малым исключением, представляет одну лишь эту точку зрения, и как нельзя кстати

¹ *Hammond, J. L. and Barbara. The Bleak Age. (1934) Rev. ed. London: Pelican Books, 1947. P. 15.*

² *Watkins, Frederick. The Political Tradition of the West. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948. P. 213.*

в мои руки попала последняя книга Бертрана Рассела, в которой он, будто подтверждая это, со всей обходительностью заявляет: «Промышленная революция причинила невыразимые страдания и в Англии, и в Америке. Не думаю, что кто-либо из изучающих экономическую историю усомнится в том, что средний уровень счастья в Англии начала XIX в. был ниже, чем ста годами ранее, и что это произошло почти исключительно из-за научных технических приемов»¹.

Вряд ли можно винить интересующегося обывателя за доверие столь категорическому утверждению автора такого ранга. Если в это верит Бертран Рассел, не следует удивляться тому, что версии экономической истории, распространяемые сегодня в сотнях и тысячах томов карманных изданий, популяризуют все тот же старый миф. И столь же редким исключением является встреча с историческими романами, которые обходятся без драматического оттенка, привносимого рассказом о внезапном ухудшении положения широких слоев трудящихся.

Обывателю не слишком интересна истинная, несенсационная история медленного и неравномерного развития рабочего класса, которое, как нам теперь известно, имело место. Это не то, чего он привык ожидать от обычного положения дел; ему едва ли приходит на ум, что этот прогресс ни в коем случае не является неизбежным, что ему предшествовали века

---

¹ *Russell, Bertrand. The Impact of Science on Society. New York: Columbia University Press, 1951. P. 19—20.*

фактического застоя в положении беднейших слоев населения и что к ожиданию постоянного улучшения мы пришли лишь в результате опыта нескольких поколений с системой, которая, как он полагает до сих пор, является причиной страданий бедных.

Воздействие современной промышленности на трудящиеся классы почти всегда обсуждается на основе исторических данных, относящихся к Англии первой половины XIX в.; однако великие изменения, на которые ссылаются эти исследования, начались гораздо раньше; к тому времени они имели долгую историю и распространились далеко за пределы Англии. Свобода экономической деятельности, которая в Англии оказалась столь благоприятной для быстрого роста благосостояния, поначалу была, вероятно, почти случайным побочным продуктом ограничений, которые революция XVII столетия наложила на полномочия правительства; лишь после того, как благотворные эффекты этой свободы стали заметны, экономисты принялись объяснять эту связь и выступать за снятие оставшихся барьеров для свободы предпринимательства. Разговоры о «капитализме» как о новой, совершенно иной системе, вдруг возникшей в конце XVIII в., во многих отношениях вводят в заблуждение; мы используем здесь этот термин лишь как наиболее привычный, крайне неохотно, так как его современные коннотации в значительной степени созданы той самой социалистической интерпретацией экономической истории, о которой я упоминал выше. Этот термин особенно обманчив, когда, как это часто бывает, он связан с идеей

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru